

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk).

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М.</i> , <i>Терновая Г. А.</i> , <i>Акылбек С. Ш.</i> К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.)	7
<i>Сулейменов М. Г.</i> , <i>Илюшин А. М.</i> Колчаны у средневекового населения Кузнецкой котловины	32
<i>Серегин Н. Н.</i> , <i>Демин М. А.</i> , <i>Матренин С. С.</i> Комплекс украшений кочевников Северного Алтая эпохи Великого переселения народов (по материалам памятника Карбан-1)	42
<i>Шульга Д. П.</i> , <i>Шульга П. И.</i> «Брактеаты» и «индикации» в контексте монетной традиции Великого Шелкового пути (на примере находки 1989 г. в Сиане)	60

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Дашковский П. К.</i> , <i>Гантуяа М.</i> , <i>Шершнева Е. А.</i> , <i>Бурэнэлзий И.</i> Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования)	72
<i>Еремин А. А.</i> Обзоры областей центральноазиатских окраин Российской империи как источник информации о населении конца XIX — начала XX в. (на примере Акмолинской области)	90
<i>Сухова М. В.</i> Женские образы нижнего мира в традиционных мифологических представлениях удмуртов	104
<i>Лю Л.</i> Социально-экономическая жизнь русской эмиграции в Синьцзяне до 1930-х г.	119

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Молотова Г. М.</i> Образ представителя раннего аскетизма в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам»	131
<i>Куприянова И. В.</i> Древлеправославие в имперском дискурсе российской государственности	141
<i>Дударенок С. М.</i> Православная пресса на Дальнем Востоке России на рубеже 1990–2000-х гг.	153
<i>Халидова О. Б.</i> , <i>Абдуллаева М. И.</i> Мусульманские подданные в имперской практике по аккультурации кавказских инородцев: исторический опыт Дагестана конца XIX — начала XX в. (на примере системы образования)	173

ДЛЯ АВТОРОВ	189
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2022 Vol. 27, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Ternovaya G. A., Akylbek S. S.* On the question of the semantic value of graphic images on the walls of the throne room of the palace complex of the city of Kulan (VIII–IX centuries) 7
- Suleymenov M. G., Ilyushin A. M.* Quivers from the medieval population of the Kuznetsk basin.....32
- Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.* Decoration complex of North Altai nomads in the Great migration period (on the materials of Karban-I site) 42
- Shulga D. P., Shulga P. I.* “Bracteates” and “indications” in the context of the monetary tradition of the great silk road (on the example of the 1989 year Xi’an find).....60

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Dashkovsky P. K., Gantuya M., Shershneva E. A., Burenolziy I.* Religious processes on the territory of Mongolia (based on the results of a sociological study) 72
- Eremín A. A.* Regions reviews of the Central Asian periphery of the Russian empire as a source of information about the population of the late XIX — beginning of XX centuries (the Akmola region case study) 90
- Sukhova M. V.* Female images of the underworld in the udmurt traditional mythological representations.....104
- Liu L.* Russian emigration’s social and economic life in Xinjiang until the 1930s 119

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Molotova G. M.* The image of the representative of early asceticism on «Qissa-i ibrahim ibn Adham» 131
- Kuprianova I. V.* Ancient orthodoxy in the imperial discourse of the russian statehood 141
- Dudarenok S. M.* Orthodox press in the russian far east at the turn of the 1990–2000s.....153
- Khalidova O. B., Abdulaeva M. I.* Muslims in the imperial practice of acculturation of the caucasian foreigners: the historical experience of Dagestan at the end of XIX — beginning. XX century (on the example of the education system) 173

FOR AUTHORS.....189

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2022)1-05

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

М. Гантуяа

Институт философии Академии наук Монголии, Улан-Батор (Монголия)

Е. А. Шершнева

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

И. Бүрэнэлзий

Ховдский государственный университет, Ховд (Монголия)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в рамках российско-монгольского проекта в 2020 г. на территории Монголии. В ходе исследования была сделана попытка оценить религиозную ситуацию на территории Монголии и выявить степень вовлеченности жителей страны в религиозную жизнь, а также восприятие ими государственной конфессиональной политики.

Выборка исследования — 362 человека. При этом в число опрошенных попало значительное количество респондентов, которые приехали на учебу или на работу из разных районов страны. 73% респондентов считают, что человеку необходимо быть верующим. Однако 46% опрошенных посещают культовые места очень редко, а 22% не соблюдают вообще никаких религиозных обрядов. Данный факт свидетельствует о достаточно слабой вовлеченности респондентов в религиозную жизнь, в том числе и буддийской сангхи. Исследования показали, что на территории Монголии преобладающей конфессией является буддизм, который рассматривается как часть национальной культуры монгольского народа. Со стороны государства предпринимаются меры по поддержке

буддийского института как элемента национальной идентичности. Данные меры приводят к популяризации буддизма среди населения Монголии.

По мнению респондентов, важную роль в выстраивании межконфессионального диалога должно играть государство, задачей которого является контроль за деятельностью религиозных организаций. Установлено, что в монгольском обществе преобладают стереотипы, связанные с религиозными традициями. Так, большинство респондентов связывают ислам с проявлениями экстремизма. При этом следует отметить, что Монголия является страной с достаточно низким уровнем распространения экстремистского мировоззрения. Оценка развития межконфессиональной ситуации в Монголии требует дальнейшего наблюдения. Достаточно большой процент респондентов отметили, что межконфессиональная ситуация на территории Монголии не может считаться абсолютно стабильной. Усиление роли буддийской сангхи в политической и культурной жизни страны требует её оценки в выстраивании межконфессиональных отношений в регионе.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, буддизм, Монголия, религиозная идентичность, религиозность, экстремизм, конфессии.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Гантуяа М., Шершнева Е. А., Бүрэнэлзий И. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 72–89. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–05.

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

M. Gantuya

Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulaan-Baatar (Mongolia)

E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

I. Burenolziy

Khovd State University, Khovd (Mongolia)

**RELIGIOUS PROCESSES ON THE TERRITORY OF MONGOLIA
(BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

The article presents the results of a sociological study conducted by the Russian-Mongolian project in 2020 on the territory of Mongolia. In the course of the study, an attempt was made

---

to assess the religious situation on the territory of Mongolia and to identify the degree of involvement of the country's residents in religious life, as well as their perception of state confessional policy.

The sample of the study is 362 people. At the same time, the number of respondents included a significant number of respondents who came to study or work from different parts of the country. 73% of respondents believe that a person needs to be a believer. However, 46% of respondents visit places of worship very rarely, and 22% do not observe any religious rites at all. This fact indicates a rather weak involvement of respondents in religious life, including the Buddhist sangha. Research has shown that Buddhism is the predominant denomination in Mongolia, which is considered as part of the national culture of the Mongolian people. The State is taking measures to support the Buddhist institute as an element of national identity. These measures lead to the popularization of Buddhism among the population of Mongolia.

According to respondents, an important role in building interfaith dialogue should be played by the state, whose task is to control the activities of religious organizations. It is established that stereotypes associated with religious traditions prevail in Mongolian society. Thus, the majority of respondents associate Islam with manifestations of extremism. At the same time, it should be noted that Mongolia is a country with a fairly low level of extremist worldview. The assessment of the development of the interfaith situation in Mongolia requires further observation. A fairly large percentage of respondents noted that the interfaith situation in Mongolia cannot be considered absolutely stable. The strengthening of the Buddhist Sangha in the political and cultural life of the country requires an assessment of its role in building interfaith relations in the region.

Keywords: state and confessional politics, Buddhism, Mongolia, religious identity, religiosity, extremism, confessions.

For citation:

Dashkovskiy P. K., Gantuya M., Shershneva E. A., Burenolziy I. Religious processes on the territory of Mongolia (based on the results of a sociological study). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P. 72–89. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–05.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Гантуяа Массаржав, доктор PhD, научный сотрудник отдела религиоведения Института философии АН Монголии, Улан-Батор (Монголия). **Адрес для контактов:** gantuyam@outlook.com

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru

---

Бүрэнөлзий Идрээ, кандидат философских наук, секретарь научного совета Ховдского государственного университета, Ховд (Монголия)

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional Studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). *Contact address:* dashkovskiy@fpn.asu.ru. ORCID 0000–0002–4933–8809.

Gantuya Massarzhav, PhD, Researcher at the Department of Religious Studies of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar (Mongolia). *Contact address:* gantuyam@outlook.com

Shershneva Elena Aleksandrovna, candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. *Contact address:* D2703@yandex.ru. ORCID 0000–0001–6766–6438

Burenolziy Iraay, Candidate of Philosophical Sciences, secretary soveta Hovdskogo gosudarstvennogo universiteta, Khovd (Mongolia).

Введение

Современные государства, прошедшие этап формирования атеистического мировоззрения в период построения социализма, сопровождающегося борьбой с любыми проявлениями религиозности, начиная с 1990-х гг. в связи с изменением политического устройства стали стремиться к возрождению духовности и реализации принципов свободы совести. В данном случае Монголия не стала исключением. Начавшиеся в конце XX в. демократические преобразования в стране привели к религиозному плюрализму и выработке новой системы государственно-конфессиональных отношений. Государственная политика в области регулирования религиозных отношений на современном этапе во многом направлена на соблюдение принципов свободы совести, закрепленных в нормативно-правовых документах Монголии [Романова, Зимин и др., 2015: 96; Сабиров, 2020: 91].

Более 10 лет совместно российскими и монгольскими учеными в рамках совместных исследовательских проектов проводится анализ этноконфессиональных процессов, протекающих на территории Монголии (Дашковский, Кушнерик, Цэдэв, 2009; Дашковский, Цэдэв, Шершнева, 2010; Цогзолмаа, 2018; Цэдэв, 2017; Dashkovskiy, 2015; Dashkovskiy, Shershneva, Cedav, 2018). В рамках данного исследования в 2020 г. на территории Монголии были проведены новые социологические опросы. Основные задачи исследования сводятся к следующим позициям: установление отношения населения страны к религии; выявление глубины вовлеченности респондентов в религиозные процессы; оценка межконфессиональной ситуации и роли правительства в выстраивании государственно-конфессиональных отношений.

Учитывая численность, плотность населения и административно-территориальное деление Монголии, было решено опросить не менее 300 респондентов из центральной части страны. В рамках проведенного социологического исследования в Улан-Баторе фактически было опрошено 362 человека (100%) разного пола, возраста, этнической

принадлежности и профессиональной деятельности. При этом необходимо отметить, что в Улан-Баторе как столице государства и самом крупном мегаполисе страны работают, обучаются и проживают (постоянно или временно) жители из разных частей Монголии. Все респонденты были разделены на 5 групп. В возрасте от 16 лет до 21 года было опрошено 73 человека (20%), в возрастной группе от 22 до 35 лет 78 человек (22%) от 36 до 45 лет — 54 человека (15%), в группе от 46 до 60 лет — 96 человек (27%), лиц старше 61 года — 61 человек (17%). Полученная выборка (стратифицированная, территориальная, случайная) носит репрезентативный характер.

Религиозность населения

С целью выявления отношения жителей Монголии к религии респондентам было предложено ответить на вопрос «Как вы считаете, важно ли человеку быть верующим?». В результате 73% респондентов (263 человека) дали положительный ответ на поставленный вопрос, 12% (44 человека) не считают веру обязательной составляющей жизни каждого человека, а 15% (55 человек) затруднились ответить на поставленный вопрос. При этом следует отметить, что важность религии в жизни каждого человека отмечали респонденты всех возрастов. За десятилетний период нашего социологического мониторинга религиозных процессов на территории Монголии стало заметно определенное усиление роли религии в жизни общества. Если сравнить новые результаты опросов с более ранними исследованиями в Монголии [Дашковский, Кушнерик, Цэдэв, 2009: 242; Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017: 117], то можно отметить, что существенно снизился процент лиц, не считающих религию важным явлением в жизни человека. Однако, согласно проведенному опросу, у 60% респондентов (218 человек) религиозные праздники в доме не отмечаются. Таким образом, можно предположить, что религиозность в монгольском обществе носит во многом формальный характер, во всяком случае, для части населения. Данная тенденция может объясняться и тем фактом, что с политическими преобразованиями в Монголии наметилась тенденция на интеграцию данного региона в мировое политическое и культурное сообщество, но с сохранением собственной этнокультурной идентичности [Ермакова, 2015: 168]. Религия при этом рассматривается как неотъемлемая часть культуры Монголии.

Распределение респондентов по конфессиональной принадлежности в рассматриваемом регионе отражено в диаграмме (рис. 1).

Из диаграммы видно, что на территории Монголии преобладающей конфессией является буддизм, что вполне объяснимо историческими процессами. Однако следует обратить внимание, что по сравнению с исследованиями, проведенными в 2016 г., снизился процент последователей шаманизма [Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017: 417]. Данный факт объясняется также популяризацией буддизма в стране. Буддизм позиционируется со стороны государства как часть монгольской традиционной культуры и истории. Активно принимаются меры по популяризации национально-культурных ценностей, важное значение в которых имеют именно ценности буддизма. Активная позиция правительства в поддержании буддийских ценностей придает ему неофициальный статус государственной религии [Сабилов, 2020: 91; Романова, Зимин и др., 2015: 97; Жуков, Зимин, Жукова, 2016: 36–38].

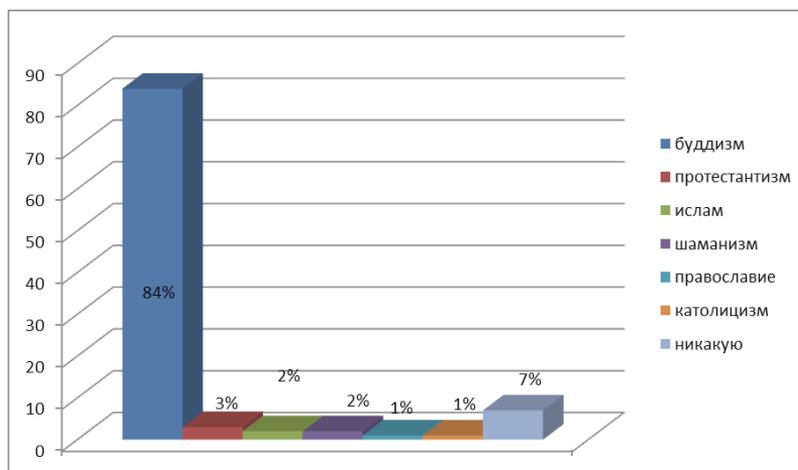

Рис. 1. Конфессиональная принадлежность респондентов Монголии
 Fig. 1. Confessional affiliation of respondents in Mongolia

Если сравнивать полученные данные с ранее проведенными исследованиями, то необходимо отметить, что роль буддизма как культурной составляющей в жизни монголов в определенной степени возросла. Обращаясь к социологическим исследованиям 2016–2018 гг., можно отметить, что буддийской традиции в тот период придерживались только 57,6% респондентов, проживающих на территории Центральной и Западной Монголии [Цэдэв, Мунхбат, 2019: 113].

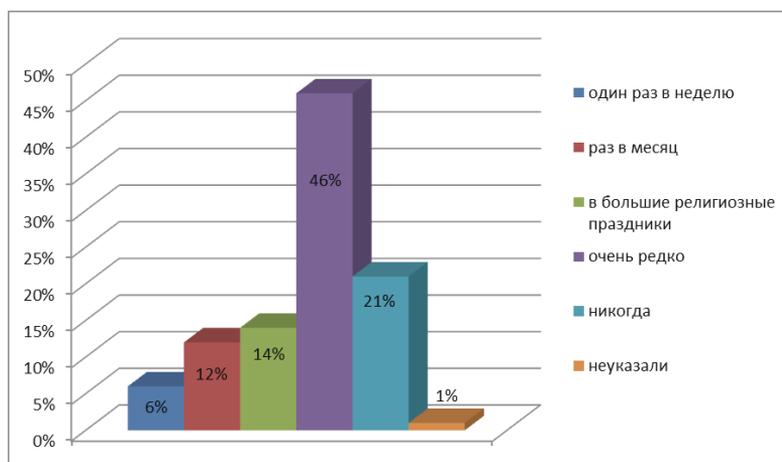

Рис. 2. Посещение культового объекта респондентами
 Fig. 2. Visit of the cult object by respondents

В рамках исследования мы попытались оценить конфессиональную идентичность, уровень религиозности, которая рассматривается как вовлеченность в религию, в культовую деятельность и следование религиозным ориентирам. О глубине религиозной

веры могут свидетельствовать ответы на вопросы о том, как часто респонденты посещают культовые места, а также соблюдают ли религиозные обряды дома. Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы посещаете храм (мечеть, церковь и др.)?» представлены в диаграмме (рис. 2).

Из диаграммы видно, что посещение культовых мест респондентами не рассматривается как обязательное, и такого мнения придерживаются представители всех возрастных групп опрошенных. Во всяком случае, необходимость посещения культовых объектов с целью удовлетворения религиозных потребностей в данном случае носила вторичный характер. В противном случае респонденты стремились бы к более частому и систематическому посещению религиозных объектов. Несмотря на то, что большинство респондентов не считает обязательным посещение культовых мест, 40% опрошенных (143 человека) указывают на необходимость соблюдения религиозных обрядов. Однако достаточно большой процент опрошенных — 31% (112 человек) затруднились определить важность соблюдения религиозных обрядов. Следует также отметить, что респонденты в возрасте от 16 до 45 лет отводят соблюдению религиозных обрядов менее значительную роль. Такого мнения придерживаются 37% опрошенных (76 человек) в возрасте от 16 до 45 лет, тогда как люди в возрасте от 46 лет и старше лишь в 19% случаев (31 человек) не считают важным исполнение религиозных обрядов. При этом 40% респондентов (146 человек) исполняют религиозные обряды только по праздникам, а 22% (79 человек) никаких религиозных обрядов не исполняют вообще.

По сравнению с исследованиями 2016 г. наблюдается определенное снижение респондентами соблюдения религиозных традиций в большие праздники [Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017: 117]. Соблюдение религиозных обрядов может рассматриваться населением Монголии как неотъемлемая часть духовной культуры [Гусев, Терентьев, 2020: 44]. На современном этапе отмечается тенденция, связанная с потребностью в религиозной идентификации. Данное явление находит отражение во всем мировом пространстве, когда население относит себя хотя бы формально к какой-либо конфессии [Горохов, 2012: 49]. Таким образом, несмотря на то, что большинство респондентов идентифицируют себя как верующих, их вовлеченность в культовую деятельность очень низкая.

Несмотря на то, что в Монголии среди верующих людей преобладают последователи буддизма, тем не менее, демократические преобразования в стране создали условия для распространения различных религиозных течений. В рамках социологического опроса респондентам было предложено указать, с какими религиозными направлениями они знакомы. Результаты ответов респондентов на этот вопрос представлены в диаграмме (рис. 3).

Из приведенных данных видно, что респонденты знакомы не только с традиционными для региона религиями, но и с новыми религиозными движениями. В то же время процент знакомства с последними незначительный. При этом после буддизма, ислама, православия, католичества и шаманизма относительно большой процент (7%) респондентов отмечали знакомство с таким протестантским направлением, как баптизм. Кроме того, достаточно значительный процент молодых людей (8%) в возрасте от 16 лет до 21 года указали на осведомленность о вайшнавской традиции.

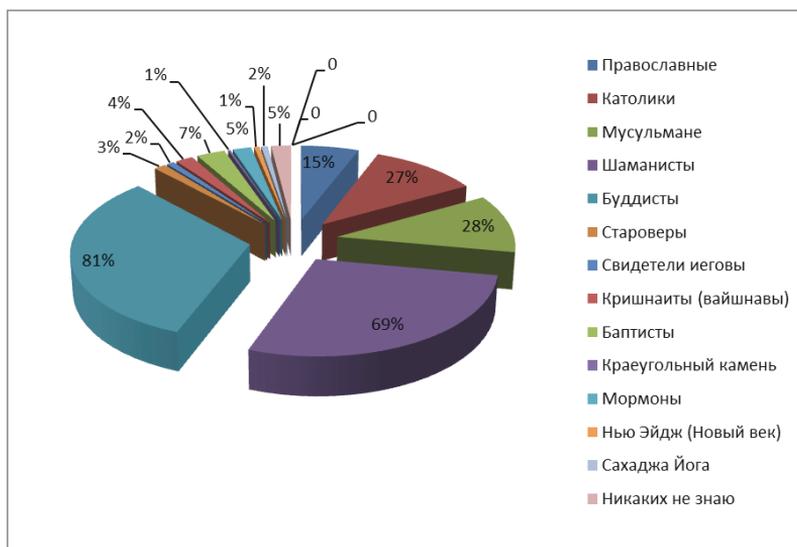

Рис. 3. Знакомство респондентов с религиозными общинами

Fig. 3. Acquaintance of respondents with religious communities

Межконфессиональные отношения

На динамику межрелигиозных отношений оказывают влияние разные факторы, в том числе и семейно-брачные отношения. Согласно данным опроса 39% (141 человек) согласились бы на брак с представителем другой веры. Однако 38% (137 человек) высказались против межконфессиональных браков, а 23% (84 человека) затруднились ответить на данный вопрос. Данный факт свидетельствует о настороженном отношении к представителям иной конфессии. Готовность к принятию в свою семью представителя другого вероисповедания продемонстрировали респонденты в возрасте от 16 до 45 лет, тогда как 52% респондентов (50 человек из 96 опрошенных) в возрасте от 46 до 60 лет выступили категорично против межконфессиональных браков. Следует также указать, что 290 человек (80%) ответили, что в их семьях отсутствуют представители другого вероисповедания. В случае вступления в брак с представителем иного вероисповедания респонденты отдают предпочтение католичеству (57% опрошенных), на втором месте православие (26% опрошенных). Согласие на брак с представителями исламской традиции отдали бы 25% респондентов, а с последователями протестантизма — 18%. Таким образом, для жителей Монголии наиболее привлекательным для вступления в брак являются последователи христианских вероисповеданий. С началом демократических преобразований в стране начинают появляться представители различных религиозных направлений, среди которых именно христианство имело богатый опыт миссионерской деятельности. Активная позиция христианских миссионеров выстраивала образ христианина как прогрессивного и современного человека. В связи с этим именно христианская традиция начинает рассматриваться монголами как наиболее привлекательная [Сабиров, 2020: 102; Четырова, 2011: 195].

Следует также отметить, что современная Монголия, находящаяся на стадии модернизации, стремится сочетать принципы демократии с тенденцией на сохранение традиций и ценностей монгольского народа. Открытость границ повлияла на развитие процессов глобализации и влияния западной культурной традиции на население страны [Россия и Монголия..., 2016: 80]. Следствием этого явился особый интерес со стороны населения Монголии к представителям христианских конфессий как носителям западной культуры. В то же время большинство населения страны на данном этапе все еще стремится сохранить национальную культуру и традиции, избегая заключения межконфессиональных браков.

Оценить межконфессиональную ситуацию на территории Монголии позволяет вопрос о том, насколько легко жители находят контакт с представителями другой религии. При этом 37% опрошенных ответили, что им легко найти контакт с адептами других вероисповеданий, а 32% респондентов указали, что им скорее легко, чем сложно это сделать. Легче всего выстраиваются отношения с представителями другой религиозной традиции у респондентов в возрасте от 16 до 21 года. Так, 81% (59 человек в данной возрастной группе) респондентов указанного возраста отметили, что им легко установит контакт с представителем другой конфессии. Такое распределение ответов позволяет сделать вывод, что население Монголии, особенно молодое поколение, становится достаточно толерантным к представителям иных религиозных традиций [Цэдэв, Монхбат, 2019: 113].

Большинство респондентов всех возрастных групп отметили, что у них не возникало противоречий с представителями других конфессий — 55% (199 человек). При этом среди конфессий, с которыми наиболее часто возникали конфликты, респонденты отметили ислам (39% опрошенных) и католицизм (38% опрошенных). Таким образом, среди населения Монголии отмечается позитивное отношение к представителям других религиозных групп. При этом отказ от вступления в брак с последователем другой религиозной традиции может расцениваться как потребность населения в сохранении своей этнической идентичности, так как буддизм в Монголии воспринимался как неотъемлемая часть монгольской культуры.

В качестве причин возникновения конфликтов респонденты указывают следующие факторы, которые отражены в диаграмме (рис. 4).

Из приведенных данных видно, что этническая принадлежность не является основной причиной возникающих конфликтов. 12% опрошенных отметили его как причину возникшей конфликтной ситуации. Примечательно также, что 17% отметили в качестве причины конфликта отношение к той религии, которую исповедовали респонденты. Очевидно, что причины конфликта могут быть разнообразны и формируются они во многом в рамках межличностных отношений. В связи с этим неслучайно 27% респондентов вообще затруднилось выделить конкретную причину межконфессионального конфликта.

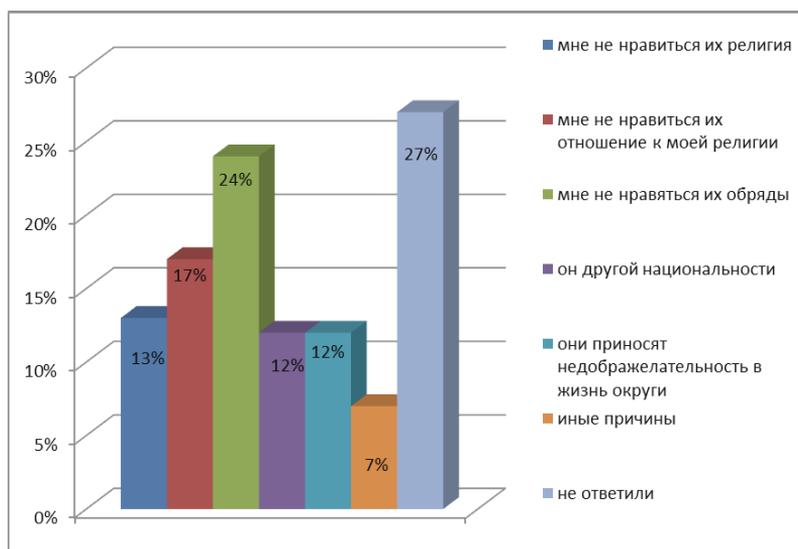

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Что вызывает противоречия с представителями других вероисповеданий?»

Fig. 4. Respondents' answers to the question «What causes contradictions with representatives of other faiths?»

Следует также отметить, что монголы очень часто демонстрируют индифферентность к религиозной идентичности, что и позволяет избегать межрелигиозных конфликтов. Так, в результате исследования на выявление социальной дистанции, проведенного в сентябре 2019 г. в Улан-Баторе, было установлено, что монголы испытывают прохладные отношения к представителям «титularной» конфессии [Гусев, Терентьев, 2020: 45–46]. При этом буддизм рассматривается большинством населения Монголии как неотъемлемая часть национальной культуры. К тому же государство оказывает поддержку буддизму, что приводит к формальному отнесению себя многими респондентами к данной религиозной традиции. Прохладное отношение к представителям «титularной» конфессии может также объясняться слабой вовлеченностью населения в данную религиозную традицию и отнесения себя к ней только по формальным признакам.

Относительная однородность религиозного состава населения Монголии привела к тому, что жители страны в последние годы в целом не испытывали притеснений по принципу религиозной принадлежности [Дашковский, Цэдэв, Шершнева, 2010: 183]. В рамках проведенного исследования данная тенденция на территории страны продолжает сохраняться. Так, 78% опрошенных (283 человека) указали, что никогда не испытывали ущемления своих прав по религиозному признаку. Данное отношение к представителям разных конфессий на территории Монголии обусловлено восприятием респондентами сложившейся религиозной ситуации в регионе, что отражено в диаграмме (рис. 5).

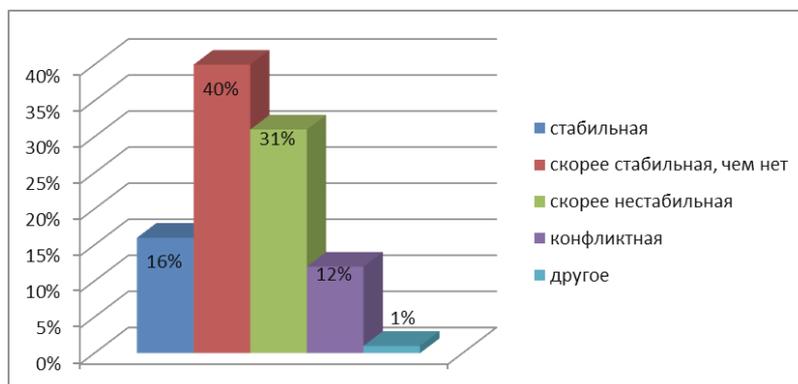

Рис. 5. Оценка респондентами религиозной ситуации в Монголии
 Fig. 5. Respondents' assessment of the religious situation in Mongolia

Однако достаточно большой процент респондентов оценивает религиозную ситуацию в Монголии как не очень стабильную и даже конфликтную. Возможно, такая тенденция связана с восприятием большинства монголов буддизма как неотъемлемой части национальной идентичности. Таким образом, появление новых конфессий на территории государства может оцениваться частью населения как разрушение традиционного культурного концепта монголов.

Религия и государство

Особое внимание в процессе исследования было уделено вопросу взаимодействия религиозных институтов и органов государственной власти. В этой связи респондентам был задан вопрос «Должны ли религиозные деятели вмешиваться в дела политики?». На данный вопрос 66% (238 человек) ответили, что они против вмешательства религиозных лидеров в дела государства. При этом, несмотря на достаточную стабильность религиозной ситуации в Монголии и на светскость государственной власти, респондентам было предложено ответить на вопрос «Какие конфессии имеют большое влияние на политику в регионе?». Полученные результаты представлены на диаграмме (рис. 6).

Так, 3% (11 человек) респондентов считают, что в Монголии никакая религия не оказывает влияния на государственную политику. В то же время из приведенных данных видно, что достаточно большой процент респондентов считают буддизм, который исповедует большинство населения страны, значительным фактором влияния на систему государственной власти. Большая роль буддизма в политике страны свидетельствует и о том, что именно эта религия позволяет Монголии активнее включаться в мировое политическое пространство, присоединившись ко всему буддийскому миру [Михалев, 2013].

О возрастании в конце XX в. роли буддизма в политической системе Монголии свидетельствуют организованные еще в апреле-мае 1990 г. партии «Монгольская религиозно-демократическая партия» (Монголын Шашинтны Ардчилсан Нам), Монгольская Народная Партия (Монгол Ардыннам), имевшие религиозную направленность.

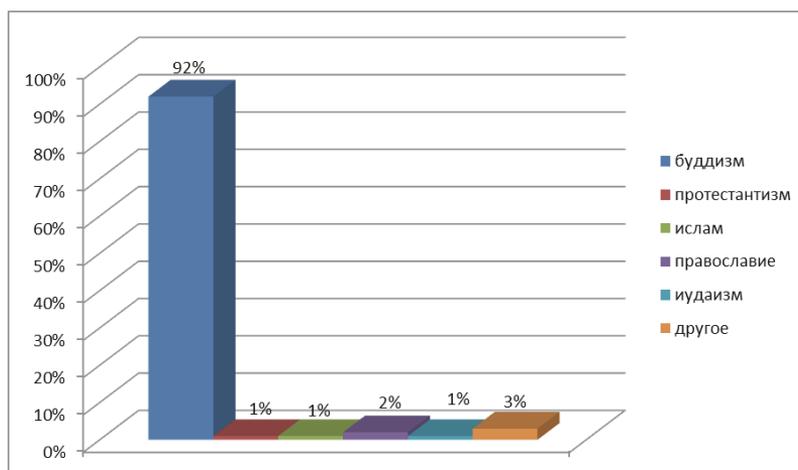

Рис. 6. Ответы респондентов на вопрос «Какие конфессии оказывающие влияние на политику Монголии?»

Fig. 6. Respondents' answers to the question «Which confessions influence the politics of Mongolia?»

Кроме того, в марте 1990 г. был организован Союз верующих Монголии. Одной из целей данного союза было возрождение старых монастырей, строительство новых и доступность их для верующих [Цымжит, Самдангийн, 2014: 68]. Особое место отводится буддизму в силу исторических условий его развития на территории Монголии. К тому же с началом проходивших в стране в 1990-е гг. демократических реформ власти, поддерживая буддийскую сангху, возлагали на неё надежды по сплочению монгольского народа, а также оказанию социальной помощи [Сабиоров, 2012: 96].

Монгольское общество, вступившие на путь демократических преобразований, испытывает потребность в такой религиозной системе, которая готова к тенденциям развития страны и вызовам современности. Именно к этому буддийскую сангху призывает правительство Монголии. Таким образом, буддизм постепенно начинает вписываться в социокультурные реалии современности, учитывая новые формы коммуникации с верующими и потенциальными последователями вероисповедания. Так, например, в 2007 г. главный монастырь страны Гандан организовал рок-концерт на своей территории, в котором приняли участие многие популярные певцы и рок-группы. Представители буддийской сангхи активно знакомят жителей страны с буддийским учением, выступая, в том числе, и в СМИ [Сабиоров, 2018: 50].

В современном обществе очень остро стоит проблема противодействия экстремизму и терроризму. Терроризм является угрозой национальной и международной безопасности, масштабы которого непредсказуемы. Несмотря на то, что риск террористической опасности в Монголии на 2016 г. оценивался как незначительный, это не является основанием исключать данную страну из списка возможного распространения идей экстремистской направленности [Жулак, Урангоо, 2018: 445–446]. На вопрос о связи религии с экстремистской деятельностью 41% респондентов ответили, что эти явления тесно связа-

ны между собой, а 21% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. 48% респондентов (172 человека) также отметили, что религия может влиять на рост экстремизма. Большинство опрошенных связывают распространение экстремизма именно с исламской традицией. Такого мнения придерживаются 50% респондентов (110 человек).

Из регионов, которые потенциально подвержены экстремисткой деятельности на территории Монголии, 20% респондентов особо выделили Баян-Ульгийский аймак, а 10% (38 человек) — Улан-Батор. Появление Баян-Ульгийского аймака в списке регионов, в котором потенциально может распространиться экстремизм, связано, вероятно, с тем, что в нем компактно проживают этнические казахи, исповедующие ислам. Возможно, у части респондентов все-таки присутствует стереотипное восприятие ислама как религии, связанной с экстремисткой идеологией. В то же время следует подчеркнуть, что большинство респондентов (66%, 240 человек) затруднились выделить наиболее неблагоприятные в этом плане регионы страны либо указали, что данные идеи развиваются в городской среде. Большинство респондентов, связывающих ислам с экстремизмом, отмечают данный факт и на международной арене. В рамках проведенного опроса 39% респондентов (142 человека) ассоциируют экстремизм со странами, в которых население исповедует преимущественно ислам (Иран, Ирак, Афганистан и т. д.).

По мнению респондентов, государство должно принимать активные меры по предотвращению экстремизма в стране. Респонденты отметили ряд мероприятий, которые, по их мнению, способствовали бы противодействию экстремизма в стране (см. диаграмму на рисунке 7).

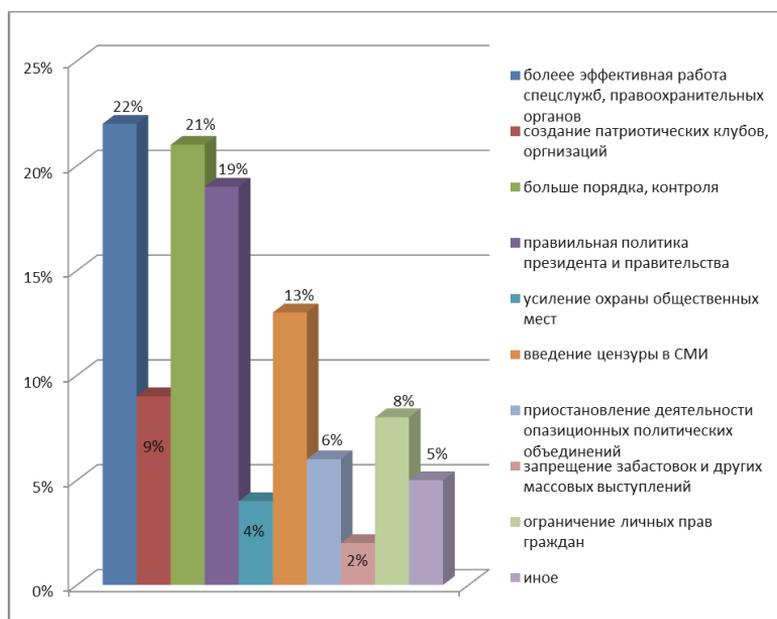

Рис. 7. Мероприятия, которые, по мнению респондентов, должны быть направлены на противодействие распространению экстремизма в стране

Fig. 7. What measures, according to respondents, should be aimed at countering the spread of extremism in the country

Таким образом, по мнению респондентов, содействовать в противодействии распространения экстремизма в стране могут грамотные действия правоохранительных органов, а также продуманная политика президента и правительства. Следует также отметить, что 8% опрошенных не против даже введения ограничения конституционных прав и свобод, если это будет препятствовать распространению экстремисткой идеологии.

По мнению 62% опрошенных (224 человека), Монголия является полностью светским государством, в котором в полной мере реализуется конституционный принцип отделения церкви от государства и равноправия религиозных объединений. В то же время большинство опрошенных считают, что знакомство с разными религиями мира должно начинаться в процессе обучения в школе. Такой позиции придерживается 85% респондентов (308 человек).

Несмотря на потребность жителей Монголии в знакомстве с разными религиозными традициями большинство респондентов 57% (205 человек) затруднились ответить на вопрос о том, какой именно политики должно придерживаться правительство Монголии в отношении деятельности религиозных объединений. Респонденты не имеют четкого представления о том, должно ли государство ограничивать деятельность религиозных общин или, напротив, не препятствовать их функционированию. Данное затруднение может быть связано с проблемой стабильности этноконфессиональной ситуации в стране. Оценивая религиозную ситуацию в Монголии, 43% респондентов (153 человека) отметили, что она скорее нестабильная и даже конфликтная. В Центральной Монголии ситуация обстоит чуть лучше, чем в целом по стране. Так, 34% (125 человек) оценили ситуацию в регионе своего проживания как напряженную. Безусловно, при нарастании нестабильности в религиозной сфере, по мнению жителей страны, вмешательство со стороны государства в деятельность религиозных общин становится необходимостью.

Заключение

Таким образом, в результате краткого обзора проведенного на территории Монголии исследования можно прийти к следующим выводам. На современном этапе конфессиональная составляющая на территории изучаемого региона достаточно однообразна, хотя большинство респондентов знакомы с представителями разных религий, в том числе и с новыми религиозными движениями. Лидирующие позиции буддизма обуславливаются как культурно-историческими процессами, так и заинтересованностью со стороны руководства страны в поддержании имиджа Монголии как буддийского государства, готового к включению в международную политику через религиозное позиционирование. Таким образом, несмотря на то, что Монголия позиционирует себя как светское государство, тем не менее, по мнению респондентов, буддизм оказывает особое влияние на правительство. Особое внимание привлекает к себе проблема межконфессионального диалога. Респонденты отметили, что религиозную ситуацию в стране нельзя считать абсолютно стабильной. Возможно, именно поддержка со стороны правительства конкретных конфессий может вызывать дисбаланс в религиозной жизни страны. Несмотря на некоторую нестабильность религиозной ситуации в стране и ассоциацию ислама с экстремизмом, однако, по мнению большинства

респондентов, Монголия является страной с достаточно низким уровнем террористической опасности. К тому же следует отметить, что на территории страны отношение ко всем конфессиям достаточно толерантное. Связь ислама с экстремизмом может оцениваться скорее как стереотипное представление в обществе. Респондентами было отмечено, что конфликты на религиозной почве у них возникают крайне редко. При необходимости вступления в брак с представителем другого вероисповедания респонденты отдавали предпочтения последователям христианских направлений. С развитием демократических преобразований в стране именно представители данного религиозного направления рассматривались жителями Монголии как наиболее прогрессивные, отвечающие требованиям современного мира. В то же время преобладание буддийской традиции и хотя бы формальное отнесение себя к ней рассматриваются жителями страны как сохранение своей национальной идентичности.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (проекты № 19–59–44002 и № 20–59–44004).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горохов С. А. Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // Вестник Московского университета. 2012. Серия 5: География. № 5. С. 49–55.

Гусев И., Терентьев В. И. Состояние религиозной жизни Улан-Батора (на примере района Баянзурх) // Православие и дипломатия в странах Азиатского-Тихоокеанского региона : материалы X Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2020. С. 43–47.

Дашковский П. К., Кушнерик Р. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные процессы в Северо-Западной Монголии (по материалам полевых исследований 2008 г.) // Политологические и этноконфессиональные исследования в регионах. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Т. II. С. 241–246.

Дашковский П. К., Цэдэв Н., Шершнева Е. А. Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сборник статей. Барнаул : Азбука, 2010. Вып. IV. С. 180–186.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цедев Н. Влияние государственной политики на этнорелигиозные процессы в Монголии (по результатам социологических исследований) // Мир Большого Алтая. 2017. № 3. С. 414–427.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 1–2. С. 115–128.

Ермакова Т. В. Российские и монгольские ученые о современной Монголии // Новые исследования Тувы. 2015. № 3. С. 168–172.

Жуков А. В., Зимин О. И., Жукова А. А. Глобализация и возрождение буддизма в Монголии // Девятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 12–24 января 2015 г. Иркутск, 2016. С. 34–39.

Жулак Ли, Урангоо Хаш-Эрдэнэ Развитие национального потенциала для предотвращения терроризма (на примере Монголии) // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 444–453.

Михалев А. В. Религия как фактор внешней политики современной Монголии // Религиоведение. 2013. № 4. С. 70–77.

Рованова И. В., Зимин О. И., Жуков А. В., Жукова А. А. Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии // Вестник ЗабГУ. 2015. № 4. С. 95–102.

Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ) / отв. ред. А. С. Железняков, Т. Н. Литвинова. М. : Институт социологии РАН, 2016. 196 с.

Сабиров Р. Т. Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 95–100.

Сабиров Р. Т. Буддийская сангха в Монголии: традиция и современность // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2018. № 1. С. 40–55.

Сабиров Р. Т. Монгольский буддизм в XXI веке: в процессе конструирования // Государство. Религия. Церковь. 2020. № 1 (38). С. 86–105.

Цогзолмаа Н. Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 117–124.

Цэдэв Х. Н. Некоторые проблемы изучения этноконфессиональной ситуации в Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 3–4 (12–13). С. 128–134.

Цымжит П. В., Самдангийн Ц. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 67–72.

Цэдэв Н. Х., Монхбат А. Д. Об этноконфессиональной ситуации в Монголии // Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы. 2019. С. 112–115.

Четырова Л. Б. Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов / РАН, Ин-т восточных рукописей ; сост. М. И. Воробьева-Десятовская, Е. П. Островская ; ред. Т. В. Ермакова. СПб., 2011. С. 190–198.

Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research) // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. № 185: 109–116.

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by Mongolia population (a sociological study) // Народы и религии. 2018. № 2. С. 119–132

REFERENCES

Gorokhov S. A. Religioznaia identichnost' kak faktor formirovaniia konfessional'nykh regionov sovremennogo mira [Religious identity as a factor in the formation of confessional regions of the modern world]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. 2012, no. 5. Ser. 5. Geografiia. S. 49–55 (in Russian).

Gusev I., Terent'ev V. I. Sostoianie religioznoizhizni Ulan-Batora (naprimereraiona Baianzurkh) [The state of religious life in Ulan Bator (on the example of the Bayanzurkh district)]. *Pravoslavie i diplomatiia v stranakh Aziatskogo — Tikhookeanskogoregiona. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Orthodoxy and diplomacy in the

countries of the Asia-Pacific region. Materials of the X International Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, 2020. S. 43–47 (in Russian).

Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research) // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 185. P. 109–116 (in English).

Dashkovskiy P. K., Kushnerik R. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye protsessy v Severo-Zapadnoi Mongolii (po materialam polevykh issledovaniy 2008 g.) [Ethno-confessional processes in North-West Mongolia (based on field research in 2008)]. *Politologicheskie i etnokonfessional'nye issledovaniia v regionakh* [Political science and ethno-confessional studies in the regions]. Barnaul: Alt. un-ta, 2009. T. II. S. 241–246 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tsedev N., Shershneva E. A. Nekotorye osobennosti etnokonfessional'noi situatsii v Baian-Ulgiiskom aimake Mongolii [Some features of the ethno-confessional situation in the Bayan-Ulgiyaimag of Mongolia]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive: sbornik statei* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospective: a collection of articles] pod red. P. K. Dashkovskogo. Barnaul: Azbuka, 2010. Issue. IV. S. 180–186 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Vliianie gosudarstvennoi politiki na etnoreligioznye protsessy v Mongolii (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Influence of the state raft on ethno-religious processes in Mongolia (based on the results of sociological research)]. *Mir Bol'shogo Altaia* [World of Greater Altai]. 2017, no. 3. S. 414–427 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye issledovaniia v Mongolii v 2016 g. [Ethno-confessional studies in Mongolia in 2016]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017, Issue. 1–2. S. 115–128 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by Mongolia population (a sociological study). *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018. № 2. P. 119–132 (in English).

Ermakova T. V. Rossiiskie I mongol'skie uchenye o sovremennoi Mongolii [Russian and Mongolian scientists about modern Mongolia]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New explorations of Tuva]. 2015, no. 3. S. 168–172 (in Russian).

Zhukov A. V., Zimin O. I., Zhukova A. A. Globalizatsiia I vozrozhdenie buddizma v Mongolii [Globalization and the Revival of Buddhism in Mongolia]. *Deviatye Baikalskie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniia. Irkutsk, 12–24 ianvaria 2015 g.* [Ninth Baikal International Social and Humanitarian Readings. Irkutsk, January 12–24, 2015]. Irkutsk, 2016. S. 34–39 (in Russian).

Zhulak Li, Urangoo Khash-Erdene Razvitie natsional'nogo potentsiala dlia predotvrashcheniia terrorizma (na primere Mongolii) [Development of National Capacities to Prevent Terrorism (Case Study of Mongolia)]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian criminological journal]. 2018. T. 12. no. 3. S. 444–453 (in Russian).

Mikhalev A. V. Religiiia kak faktor vneshnei politiki sovremennoi Mongolii [Religion as a factor in the foreign policy of modern Mongolia]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4. S. 70–77 (in Russian).

Rovanova I. V., Zimin O. I., Zhukov A. V., Zhukova A. A. Religioznoe mifotvorchestvo v politicheskoi zhizni sovremennoi Mongolii [Religious myth-making in the political life of modern Mongolia]. *VestnikZabGU* [ZabGUBulletin]. 2015, no. 4. S. 95–102 (in Russian).

Rossia i Mongoliia: tsivilizatsionnye aspekty modernizatsii (sravnitel'nyi analiz) [Russia and Mongolia: Civilizational Aspects of Modernization (Comparative Analysis)] / A. S. Zhelezniakov, T. N. Litvinovai dr.; otv. red. A. S. Zhelezniakov, T. N. Litvinova. Moscow: Institute of Sociology RAN, 2016, 196 s. (in Russian).

Sabirov R. T. Buddizm v Mongolii na rubezhe XX–XXI vv. [Buddhism in Mongolia at the turn of XX–XXI centuries.]. *Vestnik Kalmytskogo institute gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences]. 2012, no. 3. S. 95–100 (in Russian).

Sabirov R. T. Buddiiskaiasangha v Mongolii: traditsiia i sovremennost' [Buddhist Sangha in Mongolia: Tradition and Modernity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin] Series 13. Oriental studies. 2018, no.1. S. 40–55 (in Russian).

Sabirov R. T. Mongol'skii buddizm v XXI veke: v protsesse konstruirovaniia [Mongolian Buddhism in the XXI century: in the process of construction] *Gosudarstvo. Religii. Tserkov'* [State. Religion. Church]. 2020, no.1 (38). S. 86–105 (in Russian).

Tsogzolmaa N. Rasprostranenie novykh religioznykh techenij i ih vliyanie na sistemu obrazovaniya Mongolii [The spread of new religious movements and their influence on the education system of Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018, no 1 (14). S. 117–124 (in Russian).

Tsedev H. N. Nekotorye problemy izucheniya etnokonfessional'noj situatsii v Mongolii [Some problems of studying the ethno-confessional situation in Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017, no. 3–4 (12–13). S. 128–134 (in Russian).

Tsymzhit P. V., SamdangiinTs. Religioznaiasituatsiia v Mongolii: 1990–2009 gg. [Religious situation in Mongolia: 1990–2009]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian vector]. 2014, no. 3. S. 67–72 (in Russian).

Tsedev N. Kh., Monkhbat A. D. Ob etnokonfessional'noisituatsii v Mongolii [Ethno-confessional situation in Mongolia]. *Sovremennye etnicheskie protsessy na territorii Tsentral'noi Azii: problem i perspektivy* [Modern Ethnic Processes in Central Asia: Problems and Prospects]. 2019. S. 112–115 (in Russian).

Chetyrova L. B. Rol' buddizma v konstruirovanii etnichnosti kalmykov i mongolov [The Role of Buddhism in the Construction of the Ethnicity of the Kalmyks and Mongols]. *Chet vertyevostokovednyechteniiapamiati O. O. Rozenberga. Doklady, stat'i, publikatsiidokumentov* [The fourth oriental readings in memory of O. O. Rosenberg. Reports, articles, publications of documents]. / RAN, Institute of Oriental Manuscripts; comp. M. I. Vorobieva-Desyatovskaya, E. P. Ostrovskaya; ed. T. V. Ermakova. SPb., 2011. S. 190–198 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.12.2021.

Принята к публикации 21.02.2022

Дата публикации 25.03.2022